

Е.Е. Дмитриева

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ФЛОРИАНА ЖИЛЛЯ С В.А. ЖУКОВСКИМ (1826)¹

Представлены письма 1826 г., которые Флориан Антонович Жилль (1801–1865), российский государственный деятель, литератор, путешественник, впоследствии начальник Первого отделения Императорского Эрмитажа, адресует В.А. Жуковскому, по состоянию здоровья вынужденному оставаться за границей. Ф.А. Жиллю на период отсутствия поэта было поручено обучение великого князя Александра Николаевича (будущего Александра II). Основная тематика писем – методы преподавания азов различных дисциплин великому князю, которому на тот момент исполнилось восемь лет, а также описание коронации и коронационных торжеств в Москве, пришедшихся на этот период.

Ключевые слова: Флориан Жилль, В.А. Жуковский, великий князь Александр Николаевич, методика преподавания, коронация Николая I.

Как бы ни складывались события русской истории, но в XIX в., как, собственно, и в XVIII, полагали, что «сила **правственная** в душе **государей**: ибо они могут быть деятельными представителями **справедливости и блага**» (письмо В.А. Жуковского к великому князю Александру Николаевичу от 5/17 ноября 1832 г. [1. С. XV]). И потому детям в императорской семье, и в первую очередь наследникам престола, приискивались в качестве воспитателей люди выдающиеся. Таков был Н.И. Панин, воспитатель великого князя Павла Петровича (Павла I), швейцарец Фредерик Сезар Лагарп, воспитатель великих князей Александра Павловича и Константина Павловича [2], таков был и В.А. Жуковский, который в 1817 г. становится учителем

¹ Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

немецкой принцессы Шарлотты, в то время уже великой княгини Александры Федоровны, будущей императрицы, а с 1826 по 1837 г. будет выполнять функции наставника наследника, будущего императора Александра II. И, как писал П.А. Вяземский, «официальный Жуковский не постыдит Жуковского-поэта. Душа его осталась чиста и в том, и в другом звании» [3. С. 472]¹.

О том, что не так просто обстояло дело в это время с восьмилетним наследником, воспитывать которого берется Жуковский, без обиняков писала в это время императрица Елизавета Алексеевна в письмах сестре своего мужа великой княгине Марии Павловне, пребывавшей в качестве наследной герцогини Саксен-Веймар-Эйхенах в Веймаре: «Когда я имею на то возможность, то хожу *играть* к детям Николая, которые, как Вы знаете, проживают в настоящее время в Ваших бывших покоях. Эти голубки меня искренно забавляют, они милы, особенно малютка Мари, бедный Александр, взрослея, страдает иногда следствиями первородного греха. Дай Бог, чтобы его воспитание стерло его следы насколько это возможно!» [5. С. 236].

Жуковский же преисполнен самых благородных стремлений и видит в наследнике лишь ростки тех самых свойств, которые сам будет на протяжении многих лет в нем возвращать (см.: [6]). Однако в мае 1826 г., только начав занятия с Александром Николаевичем, он заболевает и с мыслями о смерти уезжает за границу, где остается до октября 1827 г.

В это время дело образования наследника передается женецу Флориану Жиллю (1801–1865), кальвинисту по вероисповеданию, который начинал свой славный путь приказчиком часового магазина во Флоренции, приехал в начале 1820-х гг. в Россию по приглашению

¹ Впрочем, тот же Вяземский ранее (в апреле 1813 г.) писал о Жуковском: «Нельзя долго жить в мечтательном мире и не надобно забывать, что мы, хотя и одарены бессмертною душою, но все-таки немного причастны скотству, а, может быть, и очень. Жуковский же пренебрегает вовсе скотством: это губительно. Свинью можно держать в опрятном хлеве; но, чтобы она была и здорова и дородна, надобно ей позволить валяться иногда в грязи и питаться навозом. И человек, который, по излишнему почтению к сему, конечно, весьма почтенному животному, стал бы держать его в благоуханной оранжерее, кормить ананасами и померанцами, купать в розовой воде и класть спать на ложе, усыпанном жасминами, скоро бы уморил почтенного своего кумира» [4. С. 14].

пастора И. Муральта, владельца аристократического пансиона в Петербурге, и по его же протекции в декабре 1825 г. был определен на должность преподавателя французского языка к цесаревичу Александру Николаевичу. При этом, наследуя Жуковскому, он берет на себя по сравнению с ним более широкие функции – преподавать, помимо языка, еще и географию, математику, историю и прочие предметы (о Флориане Жилле подробнее см.: [7]).

Публикуемые здесь письма относятся к самому началу педагогической деятельности Жилля, когда он, осознавая всю несоизмеримость собственной личности с личностью Жуковского, всячески пытается продемонстрировать ему свою преданность и желание следовать во всем по его стопам. Одно из наиболее часто встречающихся в его письмах слов – «la marche», означающее одновременно и «общее направление», и «движение», и указание на то, как следует действовать в том или ином случае.

Мы можем только задаваться вопросом, могли ли поэту, переживавшему один из наиболее тяжелых периодов своей жизни, – период, когда он уже пишет завещание, – быть интересными или, во всяком случае, актуальными слишком уж подробные отчеты Жилля о том, как следует восьмилетнему мальчику объяснять части речи, преподавать ему географию и пр. Впрочем, в письмах к К.К. Мёрдеру Жуковский всегда оставался корректным, упоминая о «нашем почтенном Жилле», который «обещался» к нему писать (см., напр., его письмо от 15/26 июня 1826 г. [8. С. 323]). Но уже в письме от 18/30 августа 1826 г. к Александре Федоровне Жуковский просит не вносить никаких изменений в начертанный им план занятий с наследником [Там же. С. 350–351, 356], и в тоне его слышится некоторая обеспокоенность слишком рьяным в него вторжением со стороны тех, кто в этот момент его заменяет. Да и с самим Жиллем Жуковский переписываться не торопится. Сохранилось только одно его письмо за период 1826–1827 гг. [Там же. С. 1004], в то время как сам Жилль буквально забрасывал письмами своего старшего товарища.

Остается только пожалеть, что строгая кальвинистская натура Флориана Жилля не позволила ему более пространно писать о тех событиях, которым, оказавшись при дворе, он был свидетелем. И все же большую ценность представляет его описание сцены коронации

в 1826 г. и в особенности поведения на ней Николая и Константина, не столь уж часто описываемого в мемуарной литературе.

Публикуемые ниже письма хранятся в РО ИРЛИ, в Онегинском собрании, № 28045. Л. 1–2 (№ 1), 3–5 (№ 2, его копия – л. 6–7 об.), 8–9 (№ 3). Автографы писем на французском языке.

1

29 июня 1826 г. Царское село

Mon cher Monsieur

Mons. le Colonel Pérofsky¹ en nous faisant part, à Mons. le Colonel de Merder² et à moi, des nouvelles qu'on a reçues de vous de Hambourg³, nous a causé un sensible plaisir. Nous voyons que les vœux que nous formions pour le parfait rétablissement de votre santé commencent à se réaliser; et nous avons l'espoir fondé que votre séjour aux eaux vous fera retrouver cette vigueur du corps dont un travail trop assidu et des veillées souvent répétées vous avaient privé. Nous nous flattons d'en recevoir bientôt la confirmation de vous même.

En attendant l'arrivée de vos lettres, après lesquelles nous vous prions de ne pas trop nous faire languir, je vais vous donner quelques détails sur les occupations de l'élève intéressant qui est si bien l'objet de notre sollicitude.

Après avoir formé, d'après les notes que vous avez bien voulu me laisser, un petit plan de mes travaux avec le Grand Duc, pendant votre absence, j'ai pensé qu'afin de rendre le plus profitable possible la répétition que je dois lui faire de ce que vous lui avez expliqué sur l'introduction à la Géographie physique⁴ (le contenu du Cahier vert) et sur les événements historiques dont vous lui avez donné connaissance d'après votre tableau, et sur lesquels je lui ferai quelques récits très abrégés, il était indispensable que je cherchasse à lui rendre familier le plus possible l'usage de la langue, pour ne pas courir le risque de fatiguer son attention par des détails qu'il aurait peine à suivre.

En conséquence, après en avoir conféré avec Mons. le Colonel de Merder, j'ai cru (2) bien faire de remettre ce travail au mois d'Août, et de profiter de notre séjour à Tsarskoe-Sélo pour exercer le Grand Duc dans le français, au moyen de la lecture, de la conversation et du calcul de tête

qui est un nouvel auxiliaire du langage, par des questions nombreuses qu'il comporte.

La Géographie, enseignée d'après vos cartes, pouvant se traiter d'une manière simple et facile, et soutenant beaucoup la conversation, nous nous occupons avec assiduité depuis un mois. L'explication faite sur la carte, répétée ensuite par des questions adressées dans un ordre suivi, puis dans un ordre coupé, j'insère sur la table noire les noms appris, le G.D. les copie; et enfin, au moyen d'une feuille qui est envoyée à Mr Reinhold⁵ et que celui-ci transforme en modèle d'écriture, il recopie les mêmes noms dans cette dernière leçon. De cette manière le G.D. aura un cahier propre de géographie qui lui servira autant à retenir le nom qu'il doit connaître que son orthographe.

Après que j'aurai terminé l'explication du Mappemonde (les deux cartes des généralités) ce qui aura lieu incessamment, je ferai au G.D. quelques récits que je prépare dans ce moment. Ces récits extraits de l'histoire des Naufrages, des Voyages, serviront à fixer chez lui une idée claire de ce que quelques parties du globe offrent de plus frappant dans leur aspects physique, comme les glaces du Nord, les déserts de l'Afrique etc etc; et en même temps, ces récits de naufrages, de délaissements, d'hivernements, en lui montrant l'homme luttant contre des périls et des privations de toute espèce, l'intéresseront, je le crois, vivement; et en résumé, tout cela nous mènera à notre but du moment, c'est-à-dire, à l'usage de la langue.

Je pourrais à ce petit aperçu sur nos préoccupations joindre quelques réflexions sur les progrès en général et l'aptitude au travail du Gr. D.; mais comme en cela il ne faut pas se hâter de juger et qu'il est nécessaire de consulter l'expérience de plusieurs mois, je crois bien de différer de vous en entretenir.

Une chose seulement sur laquelle je puis m'arrêter avec complaisance, sans craindre de juger trop vite, c'est sur l'heureux caractère de notre intéressant élève; (2°) c'est de son Coeur que je veux parler. *Il est bon*, c'est un fait que vous avez sans doute connu par vous-même, mais dont je m'applaudis de m'être convaincu en mon particulier. A son âge, à tout âge même, on peut corriger des défauts, mais le sentiment ne se donne pas. Félicitons-nous de ce qu'il possède cette précieuse qualité, félicitons Mons. le Colonel de Merder de ce qu'il sait influencer si favorablement sur l'être dont la réussite sera la félicité de tout le monde.

J'aurai soin pendant notre séjour à Moscou où il paraît qu'on s'y rendra vers le 12 juillet⁶, vous transmettre des détails sur la suite de nos travaux. Puissé-je, dans tout ce que je ferai, mériter votre approbation!

Il me sera fort agréable, Mon cher Monsieur, de recevoir de vos nouvelles. Malgré la menace que vous avez paru me faire à votre départ de laisser mes lettres sans réponse, j'aime à croire que vous ne l'exécuterez pas à la rigueur. Il n'est pas possible me dis-je que celui qui écrit si bien et avec tant de facilité, prive du plaisir de le lire ceux qu'il est si sûr d'intéresser. D'un autre côté, on me répète souvent que vous êtes avare de lettres, même envers vos amis. Au milieu de ce doute, je cherche à me persuader que les voyages et la belle nature, d'agréables distractions, et enfin le soin de penser à des amis, plus intéressants que je n'ai espoir de l'être à vos yeux, ne vous empêcheront pas de rencontrer quelques moments de loisir où vous ne trouverez rien de mieux à faire que de penser à moi et de m'écrire. Ne rejetez donc pas mon humble prière et n'oubliez pas le quart d'heure du loisir.

Veillez agréer, mon cher Monsieur, l'assurance du profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être

Ваше très dévoué serviteur
Florian Gilles

Tsarskoe Selo. le 29 juin 1826

Перевод:

Любезнейший сударь,

Полковник Перовский¹ доставил нам великую радость, сообщив полковнику фон Мёрдеру² и мне о новостях, которые были получены от Вас из Гамбурга³. Мы видим, что наши горячие пожелания Вам полнейшего выздоровления начинают осуществляться; и у нас есть полная надежда на то, что Ваше пребывание на водах позволит Вам вновь обрести ту физическую силу, которой слишком усердная работа и многократные бдения Вас лишили. Мы льстим себя надеждой получить тому подтверждение от Вас самих в ближайшее время.

В ожидании Ваших писем, которое мы умоляем сделать для нас не слишком томительным, я расскажу Вам некоторые подробности о занятиях нашего интеллигентного ученика, который и составляет предмет нашей особой заботы.

Составив, согласно запискам, которые Вы любезно мне предоставили, небольшой план моих занятий с Великим Князем во время Вашего отсутствия, я подумал, что для того, чтобы сделать как можно более полезным порученное

мне повторение того, что Вы ему объясняли о введении в физическую географию⁴ (содержание Зеленой тетради) и об исторических событиях, с которыми Вы познакомили его, следуя Вашему плану, и о которых я расскажу ему несколько коротких историй, мне необходимо как можно полнее научить его пользоваться языком, не рискуя при том утомить его деталями, которых он вряд в состоянии понять.

В результате, побеседовав о том с господином полковником фон Мёрдером, я подумал, что хорошо сделал, отложив эту работу на август и воспользовавшись нашим пребыванием в Царском Селе, чтобы заставить Великого Князя тренироваться во французском языке посредством чтения, беседы и устного счета, который есть вспомогательное средство языка, если судить по тем многочисленным вопросам, которые он вызывает.

География, которой мы учили по оставленным Вами картам, преподанная простым и легким способом, может быть весьма полезной для поддержания разговора, ею мы были заняты в течение месяца. Объяснение, сделанное на карте, повторяется затем в вопросах, заданных сначала последовательно, а затем вразброс; я черчу на черном столе выученные имена, В<еликий> Кн<язь> их копирует, и, наконец, с помощью листочка, посланного господину Рейнхольду⁵ и который тот превращает в прописи, он копирует те же имена на этом последнем уроке. Таким образом, Великий Князь должен будет иметь специальную тетрадь по географии, которая поможет ему вспомнить уже знакомые ему имена, написание которых он должен знать.

Закончив объяснение «Карты мира» (двух общих карт), которое будет постоянно повторяться, я расскажу В<еликому> К<нязю> несколько историй, которые я готовлю в данный момент. Это будут истории кораблекрушений, путешествий, что позволят ему составить ясное представление о тех наиболее поразительных в физическом отношении явлениях, таких, как лед Севера, пустыни Африки и т.д., и т.д., обнаруживаемых в различных частях земного шара; и в то же время эти рассказы о кораблекрушениях, о заброшенных уголках планеты, о зимовках, показывающие ему человека, борющегося с опасностями и лишениями всех видов, будут способны глубоко его заинтересовать, я очень в это верю; и в заключение все это приведет нас к нашей нынешней цели, то есть к использованию языка.

К этому краткому очерку наших занятий я мог бы присоединить некоторые размышления об общем развитии и работоспособности В<еликого> Кн<язя>; но поскольку в этой области не следует делать поспешных выводов и необходимо осмыслить опыт не одного месяца, я думаю, что правильнее будет отложить этот разговор на более позднее время.

Только одна сторона этого дела, на которой я могу с удовольствием остановиться, не боясь слишком поспешного суждения, – это счастливый характер нашего интересного воспитанника; о его Сердце мне хочется кое-то сказать. Он добр, об этом, без сомнения, Вы знали и сами, но я рад убедиться в том на собственном опыте. В его возрасте, в любом возрасте можно исправлять недо-

статки, но чувство не поддается изменению. Порадуемся же тому, что он обладает этим драгоценным качеством, воздадим должное господину полковнику фон Мёрдеру за то, что он умеет столь благоприятно воздействовать на того, чей успех станет залогом счастья всего человечества.

Во время нашего пребывания в Москве, куда, как кажется, мы отправляемся около 12 июля⁶, я обязательно постараюсь сообщить Вам подробности о продолжении нашей работы. Лишь бы я во всем, что еще буду делать, заслужил Ваше одобрение!

Мне будет очень приятно, дражайший сударь, получить от Вас известия. Несмотря на высказанную Вами при Вашем отъезде угрозу оставить мои письма без ответа, я предпочитаю верить, что Вы не осуществите ее в точности. Невозможно, говорю я сам себе, что тот, кто пишет так хорошо и так легко, лишит удовольствия читать свои письма тех, кому, как он прекрасно знает, он столь интересен. С другой стороны, мне часто говорят, что Вы скупы на письма, даже по отношению к своим друзьям. Посреди этого сомнения я пытаюсь убедить себя в том, что путешествия и прекрасная природа, приятные развлечения и, наконец, мысль о друзьях, более интересных для Вас, чем на то могу рассчитывать я, не помешают Вам найти несколько досужих минут, когда Вы не найдете ничего лучшего, чем подумать обо мне и мне написать. Не отвергайте мою смиренную молитву и не забывайте о пятнадцати минутах отдыха.

Примите, дражайший Сударь, уверения в глубочайшем почтении, с каковым я имею честь быть

Вашим преданнейшим слугой
Флорианом Жиллем

Царское Село. 29 июня 1826 г.

¹ Василий Алексеевич Перовский (1795–1857), военный и государственный деятель. См. подробнее о его отношениях с Жуковским: [8. С. 1028–1029].

² Карл Карлович Мёдер (1787–1934), «основной» воспитатель будущего императора Александра II, преподававший ему военное дело. Автор записок, которые вел, будучи воспитателем цесаревича [9]. См. подробнее о его отношениях с Жуковским: [8. С. 1018–1019].

³ В Гамбург Жуковский прибыл 31 мая/11 июня 1826 г. и прожил здесь до 3/15 июня. Упомянутое письмо Жуковского к В.А. Перовскому не сохранилось; см. о судьбе этих уничтоженных писем: [Там же. С. 1029].

⁴ Учебные пособия для наследника по физической географии, в том числе упоминаемые далее карты, сохранились в архиве Жуковского (ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 120 и 121).

⁵ Александр Романович Рейнгольд, учитель чистописания цесаревича Александра Николаевича.

⁶ Подразумеваются московские коронационные торжества июля–августа 1826 г. Императорская семья выехала из Петербурга 10 июля, сам император несколько позже – после исполнения приговора осужденным декабристам.

2

28 августа 1826 г. Москва

Mon cher Monsieur,

Je vous dois bien de remerciemens pour l'aimable lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire¹. Elle a comblé mes espérances en m'annonçant le rétablissement visible de votre santé. Je suis persuadé que votre séjour à Egra² achèvera une œuvre aussi bien commencé, et je me flatte que tout se réunira pour vous permettre d'exécuter votre retour à Saint-Pétersbourg au mois d'octobre. C'est avec une bien vive impatience que j'attendrai ce moment qui vous rendra à vos amis et à tout ce que vous avez de cher.

L'approbation que vous voulez bien donner à la marche que j'ai suivie dans mes leçons est pour moi très flatteuse. Pouvoir me dire un jour que mes travaux ont été fructueux et que j'ai réussi dans la tâche honorable qu'on a daigné me confier, est l'objet de tous mes vœux! Puissé-je atteindre à cette noble récompense! Je n'en conçois de plus belle.

Depuis le 29 Juin que j'eus le plaisir de vous écrire, nous avons poursuivi notre marche dans le français, la géographie et le calcul, avec le plus d'activité possible. Grâce à la direction de Mons. le Colonel de Merder, notre temps a été bien employé. Pendant notre voyage, qui s'est effectué du 10 au 18 Juillet³ en neuf stations, par Pomeranie, Novgorod, Crestzi⁴, Waldai, Nichnei Volotschok, Tarjok, Twér, Klin et Petrofski, nous avons consacré bien des instants disponibles à quelques travail facile, à la lecture principalement. Nous avons profité du temps qui nous restait, pour faire quelque promenade. C'est de cette manière que nous avons visité les sites intéressants de Novgorod, de Waldai et de Nichnei- Volotschok. Les écluses du canal de cette dernière ville ont été l'objet d'une attention particulière. Ces différentes excursions nous ont fourni d'abondantes matières pour la conversation.

Après être resté au palais Petrofsky⁵ jusqu'au 25, jour de l'entrée de LL. MM.⁶, on a habité le Kremlin quelques jours seulement; et la belle campagne de la Comtesse Orloff⁷ a été choisie pour y séjourner trois semaines! On en est revenu deux jours⁸ avant le couronnement et on y retourne aujourd'hui.

Nous avons commencé la répétition sur le tableaux historique⁹ des faits dont vous avez donné connaissance au G. D. précédemment. J'ai eu

la satisfaction de voir qu'après un intervalle de plusieurs mois, une récapitulation d'un quart d'heure a suffi pour qu'il répêta de mémoire et sans voir le tableau, la division des époques, l'indication de leur commencement et de leur fin, et le nombre des années de leur durée. J'ai fait un cahier de détails succincts que je donne sur chacun de ces événemens. Tout cela est réduit à quelques traits en grand et d'une explication facile, dans le but seulement de caractériser l'époque dans la mémoire du G.D. J'espère m'être entièrement conforme à ce que vous m'avez prescrit à cet égard. Nous avançons journellement dans la géographie. L'explication du Mappemonde a été terminée. J'y reviens de temps à autre par des questions variées et par des récits que je fais au Gr. D. sur les points du Globe qui ont été le théâtre de quelque navigation remarquable. Ainsi, son esprit a été vivement intéressé par les aventures de quelques matelots hollandais et russes, qui, jetés sur les côtes Spizberg et de la Nouvelle Zemble ont eu à lutter contre toutes sortes de dangers et de privations¹⁰. L'aspect de la nature dans ce climat, les phénomènes de cet hiver qui n'est qu'une longue nuit, tous ces détails si intéressans ont été reçus avec avidité. L'explication de la carte de l'Europe a été commencé. Nous en sommes aux montagnes.

Pour varier nos leçons et pour faire un essai qui nous conduise au dessin de cartes, le G. D. a calqué celle du Mappemonde. Ce petit travail a réussi. Nous inscrivons les noms sur la carte même, ce qui, sous l'apparence d'un nouveau travail, est un bon moyen de répéter le nom appris et son orthographe.

Le calcul de tête avance. Nous pouvons nous exercer maintenant sur quatre règles. J'ai été souvent satisfait des réponses du G. D. qui, plus d'une fois, m'a montré une facilité remarquable. Nous n'en sommes dans le calcul de chiffres qu'à la multiplication; le calcul de tête le précédant toujours. Cette méthode, qui veut sans cesse de la réflexion, me fait espérer de ne laisser rien de vague dans l'enseignement, en éloignant le plus possible l'esprit de l'opération mécanique.

A l'égard de l'étude de la langue j'ai procédé de la manière la plus simple possible en admettant pour principe de toujours faire précéder par l'explication générale sur les mots les plus essentiels à connaître, le peu de règles que j'ai cru devoir enseigner au G.D. sur chacun d'eux a fini de lui faire acquérir ce qu'il doit raisonnablement connaître à son âge dans le langage écrit. Ainsi, par exemple: Après lui avoir fait connaître

la division naturelle du *nom* en *nom de chose*, animée ou inanimée, *nom de personne* et *nom de qualité* (adjectif) je lui ai indiqué l'accord qui devait régner entr'eux et le moyen de l'observer; ce qui lui a été expliqué par un grand nombre de petites phrases. La connaissance générale du *verbe* est venue après. Il a appris à distinguer les personnes; puis la manière de séparer le singulier du pluriel, en liant le verbe au nom. Après lui avoir fait distinguer le *Présent*, le *Passé* et le *Futur*, je lui ai dit qu'il n'y avait qu'un *présent*, mais plusieurs *passé* et *futurs*, et afin de ne point l'embarrasser par une nomenclature ennuyante, j'ai supprimé entièrement les mots *Imparfait*, *Parfait* ou *Prétérit*¹¹ etc etc.

Il ne connaît ces temps que sous la dénomination simple de *1.2.3.4.5 Passé*. J'ai eu soin, à mesure qu'il apprenait un de ces temps, d'en faire l'application en lui dictant quelques phrases où son emploi figurait. C'est ainsi qu'il a appris, sans s'en douter presque, les deux verbes *avoir* et *être* dont l'usage est si fréquent et si essentiel à connaître. Le G.D. est parvenu de cette manière à posséder quelques notions légères, mais claires, sur les moyens de distinguer et d'écrire les mots. Lorsque je l'exerce par une dictée, je l'habitue insensiblement de faire autant l'usage de sa réflexion que de sa mémoire. La première question qu'il adresse alors est: *Quel mot est-ce? Comment puis-je le distinguer?* Enfin: *Quelle règle est-ce que je connais sur ce mot?* et ainsi de suite.

Je lui dirai, un peu plus tard, qu'un *mot*, qui n'est ni *nom*, ni *verbe*, est une *particule*, et c'est dans cette classe que je lui ferai ranger tous les mots invariable, c'est-à-dire, les adverbes, les Prépositions, les Conjonctions et les Interjections qu'il n' a pas besoin de connaître à présent et dont la distinction étant au-dessus de la portée de son âge, ne doit pas encore lui être expliquée. Il ne connaîtra donc, pour le moment, que trois mots principaux: le *Nom*, le *Verbe* et la *Particule*; les deux premiers *variables*, la dernière *invariable*. Cette division, suffisante à présent, le mettra à même d'écrire, peu à peu, avec correction, ce qu'il doit connaître actuellement de la langue, et lui évitera la rencontre d'un écueil contre lequel viennent souvent échouer l'intelligence et la bonne volonté de l'élève, et les efforts du maître; la *grammaire*, lorsqu'on entreprend trop de bonne heure de l'enseigner avec détail.

A l'égard de la progression de l'enseignement en général, je me suis essentiellement arrêté à cette considération qu'il valait mieux avancer pas à pas, ne traiter que peu de matières à la fois; y revenir souvent de la manière

la plus variée possible; s'arrêter lorsqu'on s'apercevait qu'une chose apprise avait échappée, en un mot, ne *faire que peu*, mais *bien*, plutôt que d'embrasser beaucoup en apparence, sans être suffisamment assuré de ce que l'élève retenait.

Telle est la marche de nos occupations. A votre retour à St. Pétersbourg qui suivra, à ce qu'il paraît, le nôtre de bien près, vous jugerez, mon cher Monsieur, des progrès du G.D. Je n'ose encore trop me flatter à ce sujet: je craindrai de me faire illusion. Si une grande docilité, une attention assez soutenue en général, de la complaisance et de la considération pour son instituteur, sont des motifs de faire supposer qu'un élève, qui a de l'intelligence, fait des progrès, je dirai seulement que ceux du G.D. doivent être assez sensibles. A l'égard des rapports qui doivent exister entre le maître et l'élève, je crois pouvoir m'applaudir du point où je suis parvenue. J'espère avoir mérité la confiance du G.D. et je puis lui donner la mienne.

Mons. Le Colonel, qui vient de vous écrire, vous donne des détails sur tout ce qui s'est passé d'intéressant à la Cour etc. Vous avez déjà appris par les journaux que le couronnement a eu lieu le 22 de ce mois avec une grande magnificence. Une journée superbe l'a favorisé. Tout s'est réuni pour rendre cette auguste cérémonie aussi éclatante et aussi mémorable qu'elle pouvait l'être.

Lorsqu'en contemplant la touchante réunion de la Famille Impériale, on la vit, avec cette union de pensées, avec cette expression de bonheur qui anime de vertueux enfans que la fête de leur père rassemble, se préparer à accomplir cet acte solennel, une douce émotion s'empare de toute l'assemblée. Mais lorsqu'on vit Monseigneur le Cesarévitch¹², au moment, où S.M. L'Empereur déposait sur son front la couronne de toutes les Russies, s'incliner devant Elle, et, la main sur son cœur, Lui exprimer par ses regards tous les sentimens dont il était pénétré, Lui dire avec ce langage muet: «Tu vois en moi le plus fidèle de tes sujets. Puisse l'Être suprême que j'invoque, répandre ses bénédictions sur ton règne!» chacun, se rappelant le magnanime sacrifice que deux frères voulaient se faire l'un à l'autre¹³, répète les vœux ardens du Prince et sentit couler les mêmes larmes qui baignaient les yeux de S:M. lorsqu'Elle serra contre son sein Son Auguste frère..... Quels souvenirs !..... Les siècles se succèdent sans en présenter de semblables !.....

La magnifique illumination du Kremlin a marqué le commencement des fêtes qui vont avoir lieu, et qui ne se termineront que le 17, après le

festin donné au peuple. Il est bien agréable pour nous de penser qu'au lieu de vous en envoyer le récit, nous aurons le plaisir de vous le faire de bouche.

Agréez, Mon cher Monsieur, l'assurance du sincère dévouement
de votre très respectueux serviteur

Florian Gilles

Moscou le 28 Août,
1826.

M. de Mural¹⁴ qui me parle souvent de vous dans ses lettres vous présente ses salutations amicales et Madame Baranoff¹⁵ me charge de Ses complimens pour vous.

Перевод:

Любезнейший сударь,

Я должен выразить Вам премного благодарности за доброе письмо, которое Вы соблаговолили мне написать¹. Оно оправдало все мои надежды, возвестив о видимом восстановлении Вашего здоровья. Я уверен, что Ваше пребывание в Эгере² завершит дело, так хорошо начавшееся, и льщу себя новой надеждой на то, что все будет способствовать Вашему возвращению в Санкт-Петербург в октябре этого года. С большим нетерпением я буду ждать этого момента, который вернет Вас Вашим друзьям и всему, что Вам дорого.

Одобрение, которое Вы соблаговолили дать тому направлению, которому я следовал на своих уроках, очень лестно для меня. Возможность сказать однажды, что мои труды были плодотворными и что я преуспел в почетном деле, которое мне изволили поручить, есть предмет всех моих желаний! Если бы только я смог эту благородную награду заслужить! Я не могу себе вообразить ничего более прекрасного.

Начиная с 29 июня, как я имел удовольствие Вам писать, мы продолжили наши занятия по французскому языку, географии и арифметике с максимально возможной активностью. Благодаря руководству господина полковника фон Мёрдера, время использовалось с наибольшей эффективностью. Во время нашей поездки, которая проходила с 10 по 18 июля³ и во время которой мы посетили девять населенных мест: Померанию, Новгород, Крестцы⁴, Валдай, Нижний Волочок, Торжок, Тверь, Клин и Петровский дворец, мы посвятили немало имевшегося у нас в распоряжении времени разным несложным формам работы, в основном чтению. Время, которое у нас оставалось от занятий, мы использовали для прогулок. Так мы посетили достопримечательные места Новгорода, Валдая и Нижнего Волочка. Шлюзы каналов Нижнего Волочка стали предметом нашего особого внимания. Эти различные экскурсии предоставили нам обильный материал для бесед.

Пробыв в Петровском дворце⁵ до 25-го, дня торжественного въезда И<х> И<мператорских> В<еличеств>⁶, мы прожили в затем в Кремле всего несколько дней; после чего прекрасная деревня графини Орловой⁷ была избрана, чтобы стать нам пристанищем в течение трех недель! Мы вернулись за два дня до коронации⁸ и отправляемся назад уже сегодня.

Используя таблицу по истории⁹, мы начали повторение тех событий, с которыми Вы ранее познакомили В<еликого> Кн<язя>. Я был вполне удовлетворен, заметив, что по прошествии нескольких месяцев и четверти часа повторения было достаточно, чтобы он на память и не глядя на таблицу воспроизвел мне разделение событий на эпохи с указанием начала и конца каждой из них и количества лет их продолжительности. Я завел тетрадь с последовательным описанием деталей, относящихся к каждому из этих событий. Все это сводится к нескольким наиважнейшим характеристикам и поддается простому объяснению, которое имеет единственную цель – закрепить характер эпохи в сознании В<еликого> Кн<язя>. Я надеюсь полностью соответствовать тому, что Вы предписали мне в этом отношении. Мы ежедневно продвигаемся вперед в наших занятиях географией. Объяснение карты мира завершено. Время от времени я возвращаюсь к этому материалу, задавая различные вопросы и рассказывая В<еликому> Кн<язю> истории о различных точках земного шара, которые были ареной каких-либо замечательных мореплаваний. Так, он живо заинтересовался приключениями нескольких голландских и русских моряков, которые, будучи выброшены на берега Шпицбергена и Новой Земли, вынуждены были сражаться со всевозможными опасностями и претерпевать лишения¹⁰. Природные условия в этом климате, особенности зима, которая является всего лишь одной длинной ночью, все эти интересные детали были с жадностью восприняты. Объяснение карты Европы уже началось. В настоящий момент мы изучаем горы.

Чтобы разнообразить наши уроки и сделать попытку, которая в дальнейшем должна нас привести к собственному созданию карты, В<еликий> Кн<язь> скалькировал Карту мира. Эта маленькая работа оказалась успешной. Мы наносим названия прямо на карту, что, будучи новой формой работы, является еще и хорошим способом повторить выученные имена и их орфографию.

Занятия устным счетом продвигаются. Теперь мы освоили четыре операции. Меня нередко вполне удовлетворяли ответы В<еликого> Кн<язя>, который не раз демонстрировал свои замечательные способности. Работая с числами, мы сейчас занимаемся умножением, которому всегда предшествует устный счет. Этот метод, который постоянно требует размышления, дает мне надежду не оставить ничего неясного в обучении, искореняя, насколько это возможно, механистичность производимых операций.

Что касается изучения языка, то я действовал самым простым способом, положив себе за правило всегда предвирать общим объяснением наиболее важных слов, которые нужно знать, изложение тех немногих правил, которые я полагал необходимым сообщить В<еликому> Кн<язю>, дабы он в конце концов освоил то, что разумно знать в его возрасте касательно письменного языка. Так, например:

познакомив его с естественным делением *существительных* на *имя нарицательное*, одушевленное или неодушевленное, *имя собственное* и *существительные качества* (прилагательные), я указал ему на то согласие, которое должно царить между ними и на способы его соблюдения; все это было ему объяснено на примере большого количества коротких предложений. За этим последовало изучение *глагола*. Он научился различать лица; затем способ отличить единственное число от множественного числа, связав глагол с существительным. Научив его различать Настоящее, Прошедшее и Будущее время, я сказал ему, что существует только *одно Настоящее*, но несколько форм *Прошедшего* и *Будущего*, и дабы не смущать его скучной терминологией, я полностью удалил из рассмотрения слова Несовершенное время, Совершенное, Претерит¹¹ и т.д., и т.д.

Он знает все эти времена только под простым наименованием *1.2.3.4.5* Прошедшего времени. Я старался по мере того, как он осваивал каждое из этих времен, применять его на практике, диктуя ему предложения, в которых это время использовалось. Таким образом он освоил, сам того не осознавая, два глагола *быть* и *иметь*, которые так часто используются и которые так важно знать. Таким образом, В<еликий> Кн<язь> сумел овладеть несколькими небольшими, но четкими представлениями о способах различения и написания слов. Когда я занимаюсь с ним диктантами, я незаметно приучаю его максимально использовать в равной степени его разумение и память. Первый вопрос, который он себе задает: *Что это за слово? Как я могу его опознать?* И наконец: *Какое правило я знаю касательно этого слова?* и так далее.

Немного позже я объясню ему, что *слово, которое не является ни существительным, ни глаголом, есть частица*, и именно к этой категории я подвигну его отнести все неизменяемые слова, то есть наречия, предлоги, союзы и междометия, которые ему не нужно знать сейчас и различение которых находится за пределами того возраста, в котором он сейчас пребывает, а потому и не должно еще ему объясняться. На данный момент он будет знать только три главных слова: *Существительное, Глагол* и *Частица*; первые два *изменяемые* (переменные), последнее неизменяемое. Такое разделение, достаточное сейчас, позволит ему со временем правильно, по ходу дела исправляя себя, описать то, что он должен знать в настоящее время о языке, и уберезет от той ловушки, попав в которую так часто терпят неудачу и интеллект, и добрая воля ученика, и усилия воспитателя: ловушка эта суть *грамматика*, если ее начинают преподавать слишком рано и слишком подробно.

Что касается общего хода его обучения, то в целом я следую тому соображению, что лучше продвигаться шаг за шагом, рассматривать лишь небольшое количество предметов одновременно, возвращаясь к пройденному часто самым разнообразным образом; останавливаться, когда становится понятно, что не все удалось, одним словом, делать *мало*, но *хорошо*, вместо того чтобы пытаться охватить по всей видимости многое, не будучи достаточно уверенным в том, что ученик способен удержать в памяти.

Таков ход наших занятий. По Вашему возвращению в Санкт-Петербург, которое, похоже, последует вскоре за нашим, Вы сможете сами оценить, мой до-

рогой сударь, успехи, сделанные В<еликим> Кн<язем>. Я не смею слишком льстить себе в этом вопросе: мне совестно было бы тешить себя иллюзией. Если предельная понятливость, довольно постоянное внимание в целом, снисходительность и уважение, выказываемое моему учителю, являются достаточным поводом, чтобы предположить, что ученик, обладающий рассудком, делает успехи, то я лишь замечу, что успехи В<еликого> Кн<язя> в таком случае должны быть достаточно чувствительными. Что касается отношений, которые должны царить между учителем и учеником, я думаю, что могу быть горд тем результатом, которого смог добиться. Я надеюсь, что заслужил доверие В<еликого> Кн<язя> и что смогу отплатить ему тем же.

Господин полковник, который только что Вам написал, сообщает Вам подробную информацию обо всем примечательном, что происходит при дворе, и т.д. Вы уже узнали из газет, что коронация состоялась 22-го числа этого месяца и прошла с большим великолепием. Превосходный день благоприятствовал этому. Все содействовало тому, чтобы сделать августейшую церемонию настолько яркой и запоминающейся, насколько это вообще возможно.

Когда, созерцая трогательное воссоединение Императорской семьи, можно было увидеть Ее во всем единстве помыслов, с тем выражением счастья, которое оживляет добродетельных детей, коих объединил праздник их отца, готовящихся к совершению этого торжественного акта, нежное чувство охватывает все собрание. Но когда мы увидели Его Высочество Цесаревича¹² в тот момент, когда Его Величество Император возложил на лоб корону всея Руси, склонившегося перед ним и, приложив руку к груди, своим взглядом выражая все те чувства, которыми в этот момент он был проникнут, словно говоря ему этим молчаливым языком: «Вы видите во мне самого верного из всех ваших подданных. Да дарует Господь, к милости которого я призываю, свое благословение Вашему правлению!», – то все, кто помнил о той великодушной жертве, которую два брата хотели принести друг другу¹³, повторял в душе пламенные молитвы Цесаревича и чувствовал на щеках своих те же слезы, которые стояли в глазах Е<го> В<еличества>, когда Оно прижимало к груди Своего Августейшего брата..... Какие воспоминания!..... Столетия будут сменять друг друга, но этому моменту не будет равных!.....

Великолепная иллюминация Кремля ознаменовала начало праздников, которые будут проходить в ближайшие дни и закончатся лишь 17-го числа, после праздника, данного народу. Нам приятно думать, что вместо того, чтобы посылать Вам их описание, мы будем иметь удовольствие сделать это изустно.

Примите, дражайший Сударь, уверения в искренней преданности
Вашего весьма почтительного слуги
Флориана Жилля

Москва, 28 августа 1826 г.

Г-н де Мюральт¹⁴, который часто говорит мне о Вас в своих письмах, передает Вам свои дружеские приветствия, а госпожа Баранова¹⁵ просит уверить Вас в своих самых добрых чувствах.

¹ Письма Жуковского к Ф. Жиллю в настоящее время не обнаружены, за исключением сохранившегося в копии от 9/21–10/22 октября 1826 г. из Дрездена.

² Эгер (Eger), город на севере современной Венгрии, известный своими термальными источниками, Жуковский пробыл здесь с 3/15 августа по 26 августа / 7 сентября 1826 г.

³ В письме от 24 июля 1826 г. К.К. Мёрдер сообщал Жуковскому о путешествии императорской фамилии: «В Новгороде осматривали хранящиеся в Соборе древности, а в Вышнем Волочке шлюзы; любопытство, с которым А<лександр> Н<иколаевич> все рассматривал, всех удивляло, мне же доставляло неизъяснимое удовольствие» (РО ИРЛИ. № 28146. Л. 2).

⁴ Крестцы – уездный город Новгородского наместничества, в XVIII в. стал центром федососцев (одного из направлений старообрядчества), находился на пересечении дорог и служил местом смены лошадей и отдыха путников. В 1778 г. по указу Екатерины II в нем были построены Екатерининский собор и путевой дворец императрицы.

⁵ Петровский дворец на Тверском тракте – путевой дворец на въезде в Москву со стороны Петербурга. Возведен в 1776–1780 гг. по проекту архитектора Матвея Казакова. Он служил резиденцией для знатных особ после долгой дороги из Петербурга в Москву (отсюда его название «путевой»). После Павла I российские монархи использовали Петровский дворец как последнюю остановку на пути на коронацию в Кремле. В ходе Отечественной войны 1812 г. дворец был разграблен и восстановлен только в первой половине 1826 г. в ходе подготовки коронации Николая I. Семья и свита императора прибыли в Петровский дворец 18 июля, сам император на следующий день.

⁶ 25 июля 1826 г. в 4 часа дня состоялся торжественный въезд государя в Москву. В тот день император и императрица Александра Федоровна, ехавшая в карете вместе с наследником, были встречены на Красном крыльце членами коронационного комитета, приветствовавшими их хлебом-солью. В письме от 24 июля 1826 г. К.К. Мёрдер, сообщал: «Завтра назначено быть торжественному въезду в Москву <...> А<лександр> Н<иколаевич> едет с Алек<сандрой> Фед<оровной>. Москва с нетерпением ожидает своего Вели<кого> Кн<язя> – нарочно приезжают сюда из города, чтобы его видеть, и где мы покажемся, всюду толпою за нами следуют, приветствуют и кричат Ура!» (РО ИРЛИ. № 28146. Л. 2).

⁷ Имеется в виду дача графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской (1785–1848) Нескучное, где наследник прожил три недели перед коронацией, отложенной вследствие нездоровья императрицы Александры Федоровны. Библиотека Орловского дома служила великому князю учебной комнатой.

⁸ Церемония коронации состоялась 22 августа 1826 г.

⁹ Имеются в виду исторические таблицы, являвшиеся пособиями для великого князя Александра Николаевича. Они были построены на визуализации и применении многочисленных мнемонических знаков (см. подробнее: [10]).

¹⁰ В 1596 г. острова были открыты и документированы голландцем Виллемом Баренцем (1550–1597), который дал главному острову название «Спитсберген»,

что в переводе означает «острые горы». Здесь, вероятно, подразумевается именно эта экспедиция.

¹¹ Претерит (от латинского *praeteritum*), одна из модальностей грамматической категории времени, используемая для описания ситуации, имевшей место до момента речи или до момента, описываемого в речи.

¹² Цесаревич Константин Павлович прибыл из Варшавы в Москву на церемонию коронации 14 августа 1826 г. без предварительного оповещения и неожиданно для встречающих.

¹³ Этот эпизод декабрьского междуцарствия 1825 г. Жуковский позднее описал в статье «О происшестввах 1848 года».

¹⁴ Иоганн Мюральт (1780–1850), пастор реформаторской церкви в Петербурге, педагог, с которым Жуковский был знаком с начала 1820-х гг.

¹⁵ Юлия Федоровна Баранова (1789–1864), гофдама, воспитательница дочерей Николай I. См. подробнее об отношениях ее с Жуковским: [8. С. 986–987].

3

11 сентября 1826 г. Москва

Mon cher Monsieur

La lecture de la lettre que vous adressé de Franz Brunn¹ à Mons le Colonel de Merder nous a causé, au premier instant, bien des regrets². D'après ce que vous nous dites nous ne concevons plus l'espoir de vous posséder cette année! Mais, en réfléchissant à l'importance des motifs qui vous font prolonger votre séjour à l'étranger, en pensant que vous suivez en cela l'avis unanime des médecins, qu'après avoir évité les rigueurs de l'hiver de Pétersbourg, et joui des douceurs du printemps sous le beau ciel de ma Saxe, vous irez tranquillement achever à Ems et à Egra la cure que vous avez commencée, qu'enfin, vous acquérez par là la certitude de rétablir complètement votre santé, ce bien si précieux que vous avez trop négligé, nous ne pouvons, en passant en revue toutes ces considérations, que vous féliciter du parti que vous avez prenez. Nous le faisons avec d'autant plus de confiance, que nous pouvons nous convaincre que votre absence a lieu à une époque où elle peut être le moins préjuduciable à Mgr Le Grand Duc. En poursuivant, *un an encore*, la marche que nous avons suivi jusqu'à présent, nous pouvons espérer de voir S.A. arrivée à l'âge de Neuf ans et demi, familière déjà avec la lecture et l'usage de l'allemand et du français, et possédant en géographie et en calcul des principes solides. A cette époque intéressante votre retour aurait lieu.

Riche de santé, riche des notes, des idées arrêtés, de tous les matériaux enfin que, pendant vos loisirs, vous aurez amassés pour l'avenir, travail qu'une douce tranquillité et le pays même que vous aurez habité vous auront permis d'effectuer à votre satisfaction, vous nous serez rendu alors; et votre arrivée sera marquée par de nouvelles idées et par l'impulsion que vous donnerez à nos travaux en nous ouvrant une carrière plus vaste et dans laquelle nous vous suivrons d'un pas ferme.

D'ailleurs au moyen des notes et des directions, que vous nous transmettez pendant votre absence, nous serons toujours à même de suivre la marche que vous vous êtes tracée.

Mr le Colonel de Merder a eu la bonté de me donner lecture de la lettre que vous avez adressée à S. M. L'Impératrice³. Je suis profondément touché de la confiance que vous voulez bien placer en moi. Permettez-moi, mon cher Monsieur, de vous en exprimer ici ma vive reconnaissance. Je tâcherai de la justifier par un zèle que, j'ose m'en flatter, vous ne verrez jamais de démentir. Je juge, d'après ce que je ressens moi-même, de la sollicitude que vous donne et des réflexions que vous inspire la tâche importante et honorable dont vous êtes chargé. Puissé-je vous aider, et, en suivant vos traces, réussir à vous soulager d'une partie de ce noble fardeau!

Vous pouvez être persuadé de l'exactitude avec laquelle je vous transmettrai les détails nécessaires sur les études du Grand Duc. Vous aurez un journal périodique et aussi circonstancié que vous le désirerez qui vous mettra au courant de tout ce qui pourra vous intéresser.

Dans la lettre que vous avez la bonté de m'adresser la veille de votre départ d'Ems⁴, vous me marquiez de vous écrire à Berlin, à poste restante; je l'ai fait le 28 Août. Je vous remets ci-joint *copie* de ma *lettre*.

Mr le Colonel vous marque, sans doute, que notre départ doit avoir lieu de 29 Sbre. Le voyage s'effectuera en huit ou neufs jours et on se rendra probablement de suite à St. Pétersbourg.

Le temps est froid et pluvieux depuis quelques jours. Il serait fâcheux que le festin du peuple, qui aura lieu de 1 Sbre, ne fût pas favorisé d'une belle journée. Dans la pensée que cela pourra vous intéresser, je vous remets une liste des fêtes qui se sont données et qui se donneront encore à l'occasion du couronnement⁵, dont vous lirez tous les détails dans le Numéro du journal de St. Pétersbourg que Mr le Colonel vous envoie.

J'attends avec impatience les instructions et les notes que vous me faites espérer.

Agréez, mon cher Monsieur, les vœux ardents que je forme pour le rétablissement de votre santé et pour que vous jouissiez, pendant votre absence, du repos et de la tranquillité qui vous sont si nécessaires.

Je suis avec un profond respect

Votre très humble et très dévoué serviteur

Florian Gilles

Moscou le 11 Sbre 1826

Перевод:

Дражайший сударь!

Чтение Вашего письма из Францбрунна¹ к господину полковнику фон Мёрдеру вызвало у нас поначалу немало сожалений². Судя по тому, что Вы нам говорите, мы больше не имеем надежды лицезреть Вас в этом году! Но, размышляя о важности причин, которые вынуждают Вас продлить свое пребывание за границей, думая, что Вы следуете в этом единодушному мнению врачей, что, избежав суровой петербургской зимы, наслаждаясь сладостью весны под прекрасным небом моей любимой Саксонии, Вы спокойно завершите в Эмсе и Эгре начатый Вами курс лечения, что наконец, все это даст Вам уверенность в том, что Вы полностью восстановите свое здоровье, этот настолько драгоценный дар, которым Вы слишком пренебрегали, то мы, приняв в рассмотрение все эти соображения, не можем не приветствовать принятое Вами решение. Мы делаем это с тем большей уверенностью, что готовы признать, что Ваше отсутствие приходится на то время, когда оно может быть наименее чувствительным для E<го> V<ысочества> Великого Князя. Следуя в течение еще одного года тому направлению, которому мы до сих пор уже следовали, мы можем надеяться, что к девяти с половиной годам E<го> V<ысочество> овладеет уже чтением и устной речью на немецком и французском языках и овладеет твердыми основами географии и арифметики. На это интересное время придется Ваше возвращение.

Набравшись здоровья, во всеоружии замыслов, разнообразных идей, всех тех материалов, наконец, которые во время предоставившегося Вам досуга Вы накопили для будущего, наконец, весь этот труд, совершить который, к Вашему удовлетворению, позволили Вам тихое спокойствие и сама страна, в которой Вы проживали, Вы вернетесь к нам, и Ваш приезд будет ознаменован новыми идеями и тем новым стимулом, который Вы придадите нашей работе, открывая более широкое поле деятельности, по которому мы будем следовать за Вами твердым шагом.

Кроме того, с помощью замечаний и указаний, которые Вы будете передавать нам во время Вашего отсутствия, мы всегда сможем следовать по тому пути, который Вы нам начертали.

Полковник фон Мёрдер был столь любезен, что дал прочитать мне письмо, которое Вы адресовали Е<е> В<еличеству> Императрице³. Я глубоко тронут тем доверием, которое Вы мне оказываете. Позвольте мне, дражайший сударь, выразить Вам за то мою глубокую признательность. Я постараюсь оправдать это рвением, которое, смею себе льстить, никогда не иссякнет. Я могу представить себе, исходя из того, что испытываю сам, все те заботы, которые у Вас вызывают, и те размышления, на которые Вас наталкивает важная и почетная задача, на Вас возложенная. Позвольте же мне помочь Вам и, следуя по вашим стопам, облегчить Вам хотя бы отчасти это благородное бремя!

Вы можете быть уверены в точности, с которой я буду сообщать Вам необходимые подробности об обучении Великого Князя. Вы будете получать периодический и настолько подробный, насколько Вы того пожелаете, отчет, который будет информировать Вас обо всем, что может Вас заинтересовать.

В письме, которое Вы любезно мне адресовали за день до вашего отъезда из Эмса⁴, Вы велели мне писать Вам в Берлин, до востребования; я так и сделал 28 августа. Прилагаю за сим *копию* моего письма.

Господин полковник, вне всякого сомнения, уже Вам сообщил, что наш отъезд назначен на 29-е. Поездка займет восемь-девять дней, после чего, вероятно, мы вернемся в Санкт-Петербург.

Погода стоит холодная и дождливая уже нескольких дней. Было бы прискорбно, если бы праздник для народа, который должен состояться 1 сентября, не сопровождался бы благоприятными для этого дня погодными условиями. Полагая, что это может Вас заинтересовать, я прилагаю к этому письму список праздников, которые проводятся и будут еще проводиться по случаю коронации⁵, все подробности о которых Вы прочтете в номере Санкт-Петербургской газеты, который г-н полковник Вам отправляет.

Я с нетерпением ожидаю инструкций и замечаний, которые Вы соблаговолили мне пообещать.

Примите же, дражайший сударь, мои горячие молитвы о восстановлении Вашего здоровья, и пожелания, чтобы Вы во время своего отсутствия наслаждались отдыхом и спокойствием, в которых Вы так нуждаетесь.

С глубочайшим почтением пребываю
Вашим нижайшим и преданнейшим слугой
Флориан Жилль

Москва. 11 Сентября 1826

¹ Франценбрунн – город в Богемии, где Жуковский пробыл на лечении с 3/15 августа по 26 августа / 7 сентября 1826 г.

² Письмо от 19/21 августа 1826 г. [8. С. 361–364], где Жуковский, в частности, уведомлял о необходимости повторного курса лечения на водах в 1827 г.

³ Письмо от 18/30 августа 1826 г. [8. С. 357–358].

⁴ См. примеч. 1 к письму № 2 настоящей публикации.

⁵ Среди празднеств, следовавших за коронацией, был придворный маскарад, состоявшийся 1 сентября в восстановленном после пожара 1812 г. Большом театре, на котором дамы появились «одетыми в русские сарафаны, с русскими кокошниками на голове», а также фейерверк, одна из картин которого представляла триумфальные ворота с надписью: «Успокоителю Отечества Николаю Первому». См. подробнее: [11].

Литература

1. Русский архив. 1883. № 1.
2. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. М.: РОССПЭН, 2014–2017. Т. 1–3.
3. *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений. СПб.: Изд. С.Д. Шереметева, 1883. Т. 7. 514 с.
4. *Вяземский П.А.* Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. С.Д. Шереметева, 1899. Т. 1. 735 с.
5. Александр I, Мария Павловна, Елизавета Алексеевна: переписка из трех углов (1804–1826). Извлечения из семейной переписки великой княгини Марии Павловны. Дневник [Марии Павловны] 1805–1808 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 560 с.
6. *Киселева Л.Н.* Мифы и легенды «царской педагогики»: случай Николая I // История и повествование. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 163–177.
7. *Павлова Ж.К.* Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб.: Нестор-История, 2010. 312 с.
8. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. Т. 16. 1152 с.
9. Записки К.К. Мёрдера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича, 1824–1834 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1885. 183 с.
10. *Ребеккини Д.* Мир символов: мнемонические таблицы Жуковского и их практическое значение // Жуковский: исследования и материалы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 3. С. 238–257.
11. Виды наиболее интересных церемоний коронации их императорских величеств императора Николая I и императрицы Александры в Москве = Vues des ceremonies les plus interessantes du Couronnement de Leurs Majestes Imperiales L'Empereur Nicolas I et L'Imperatrice Alexandra, a Moscou: репринт. Изд. 1828 г. СПб.: Альфарет, 2008. 24 с.

FROM THE CORRESPONDENCE OF FLORIAN GILLES AND V.A. ZHUKOVSKY (1826)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2020, 13, pp. 25–48. DOI: 10.17223/24099554/13/2

Ekaterina E. Dmitrieva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Keywords: Florian Gilles, V.A. Zhukovsky, Grand Duke Alexander Nikolaevich, teaching methodology, coronation of Nicholas I.

Research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF) Grant No.19-18-00083 “Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication”.

This article discusses the letters of 1826 from Florian Antonovich Gilles (1801–1865), a Russian statesman, writer, traveler, and later the Head of the First Department of the Imperial Hermitage, to V.A. Zhukovsky, who was staying abroad for health reasons. With Zhukovsky being away, Gilles was entrusted with the education of Grand Duke Alexander Nikolaevich (the future Alexander II). The letters tell about Gilles’ early pedagogical experience: realizing the incommensurability of his own personality with that of Zhukovsky’s, he is trying in every possible way to demonstrate his devotion and desire to follow Zhukovsky in everything. The main subjects of the letters are methods of teaching the basics of various disciplines to the eight-year-old Grand Duke as well as the description of the coronation and coronation celebrations in Moscow.

References

1. *Russkiy arkhiv*. (1883) 1.
2. Andreev, A.Yu. & Tozato-Rigo, D. (2014–2017) *Imperator Aleksandr I i Frederik-Sezar Lagarp: Pis'ma. Dokumenty* [Emperor Alexander I and Frédéric César Laharpe: Letters. Documents]. Moscow: ROSSPEN.
3. Vyazemsky, P.A. (1883) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. St. Petersburg: S.D. Sheremetev.
4. Vyazemsky, P.A. 1899) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh* [The Ostafyev Archives of the Princes Vyazemsky]. Vol. 1. St. Petersburg: S.D. Sheremetev.
5. Dmitrieva, E. & Schedewie, F. (2016) *Aleksandr I, Mariya Pavlovna, Elizaveta Alekseevna: Peregiska iz trekh uglov (1804–1826). Izvlecheniya iz semeynoy peregipski velikoy knyagini Marii Pavlovny. Dnevnik [Marii Pavlovny] 1805–1808 godov* [Alexander I, Maria Pavlovna, Elizaveta Alekseevna: Correspondence from three corners (1804–1826). Extracts from the family correspondence of Grand Duchess Maria Pavlovna. Diary of [Maria Pavlovna] 1805–1808]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Kiseleva, L.N. (2006) Mify i legendy “tsarskoy pedagogiki”: sluchay Nikolaya I [Myths and legends of “royal pedagogy”: The case of Nicholas I]. In: Obatnin, G. & Pesonnen, P. (eds) *Istoriya i povestvovanie* [History and Narrative]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 163–177.
7. Pavlova, Zh.K. (2010) *Florian Zhil' i Imperatorskiy Ermitazh. Zhizn' i sud'ba* [Florian Gilles and the Imperial Hermitage. Life and Fate]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

8. Zhukovsky, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 16. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

9. Meder, K.K. (1885) *Zapiski K.K. Merdera, vospitatelya tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha, 1824–1834 gg.* [Notes by K.K. Merder, educator of Tsarevich Alexander Nikolaevich, 1824–1834]. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva.

10. Rebecchini, D. (2017) Mir simbolov: mnemonicheskie tablitsy Zhukovskogo i ikh prakticheskoe znachenie [The World of Symbols: Zhukovsky's Mnemonic Tables and Their Practical Importance]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Issue 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–257.

11. Graf, H., Courtin, M.M.L. & Adam, V. (2008) *Vidy naibolee interesnykh tseremoniy koronovaniya ikh imperatorskikh velichestv imperatora Nikolaya I i imperatritsy Aleksandry v Moskve* [Views of the most interesting ceremonies of the Coronation of Their Imperial Majesties Emperor Nicholas I and Empress Alexandra, in Moscow]. Reprint edition of 1828. St. Petersburg: Al'faret.